

УДК 392.7(470.621)
ББК 63.5(2 Ады)
С-41

Сиюхова Аминет Магаметовна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социологии факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета, e-mail: aminsi@rambler.ru.

**МЕТАФИЗИКА САКРАЛЬНОГО И ОБЫДЕННОГО В
ТРАДИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ АДЫГСКОЙ КУНАЦКОЙ
(ХАЧЕЩ)
(рецензирована)**

В статье раскрывается философская проблема диалектики сакрального и обыденного в рамках хачещ как традиционного института адыгов. Рассматриваются разнообразные формы его функционирования, выявляются факторы значимости институции хачещ для формирования и сохранения этнической ментальности.

Ключевые слова: этнос, адыги, этнокультура, кунацкая, трансляция этнокультурного опыта, гостеприимство, эстетика, развлечение и искусство, этносоциальные отношения.

Siyukhova Aminet Maghametovna, Cand. of Cultural Sciences, the senior lecturer of the chair of philosophy and sociology of the faculty of new social technologies, Maikop State Technological University, e-mail: aminsi@rambler.ru.

**METAPHYSICS OF SACRED AND ORDINARY IN THE
TRADITIONAL SPACE OF THE ADYGHEAN KUNATSKAYA
(HACHESCH)**

The article reveals the philosophical problem of the dialectics of the sacred and ordinary in hachesch as a traditional institution of the Adyghs. Various forms of its functioning have been considered, the importance of the institution of hachesch for the formation and preservation of the ethnic mentality has been identified.

Keywords: ethnicity, Adyghs, Ethnic culture, kunatskaya, ethno-cultural experience broadcasting, hospitality, aesthetics, entertainment and art, ethno-social relations.

Адыгская традиционная культура представляется сегодня как весьма развитая, самобытная и уникальная система ценностей, достойная глубокого и всестороннего изучения. Исследование обиходной и художественной культуры адыгов во многом ориентируется на традиционные формы анализа, абстрактно расчленяющего целое объекта на сегменты и рассматривающего их обособленно друг от друга. Существует большое число работ, посвященных этикету и обрядам адыгов, песенному и инструментальному тематизму, способам исполнительства и строению отдельных музыкальных инструментов, творчеству конкретных художников. Это в полной мере можно отнести к существующим исследованиям феномена адыгской кунацкой, которые рассматривают ее как: 1) структурный элемент института гостеприимства; 2) экзистенциальную базу для института трансляции этнических традиций; 3) субстанциональную основу для функционирования института передачи знаний по истории народа, основам кавказского этикета, и других значимых аспектов жизни социума, в том числе и способов рекреации посредством развлечений и искусства.

Этнографические исследования приводят подробное описание кунацкой и те социальные функции, которые она выполняла. В книге М. Напсо читаем: «Каждый адыг строил напротив своего жилого дома еще небольшой домик, который предназначался для

приема гостей.... У всех без исключения народов Кавказа сложилось так, что в любое время дня и ночи гость или путешественник мог зайти в хачец (кунацкую), не спрашивая разрешение хозяина» [1]. По воспоминаниям очевидцев, заставших то время, когда кунацкие еще выполняли свои традиционные функции, можно представить общие характеристики подобных строений. Величина постройки и бытовые удобства (освещение, отопление, доступ к воде) варьировались в зависимости от благосостояния хозяев. Условие, которое соблюдалось по возможности всегда, это расположение хачец таким образом, чтобы хозяева не стесняли свободу гостя, а гость не был свидетелем домашней жизни семьи.

Одно из наиболее очевидных предназначений кунацкой – быть использованной в роли гостиницы, т.е. предоставить размещение для приезжих гостей. В суровых условиях жизни в горах для путника развитый институт гостеприимства означал сохранение жизни. Общая потребность народа во взаимопомощи выработала особое отношение к гостю как священному посланнику, приносящему в дом удачу и благополучие. Этнографы, исследующие кавказские традиции и обычаи, упоминают следующее: «Когда в черте селения появлялся странник, каждый старался перехватить его у других, пригласить к себе. ... У въезда в селение у родника нас встретила группа девочек и мальчиков. Когда узнали о том, что у нас нет определенного хозяина, дети чуть не передрались; каждый из них умолял нас быть их гостями»[2].

Из свидетельств научных источников и сообщений информаторов известно, что желательным фактором гостеприимства является развлечение и искусство, которые были призваны заполнить время между фокусированным информационным обменом и произвести релаксирующее воздействие на усталого гостя. А.Х. Хадикова приводит воспоминания русских очевидцев, по стечению обстоятельств заночевавших в осетинской кунацкой: «...почти ежедневно, когда я лежал в постели, около меня неизменно появлялся, кто-нибудь из соседей и начинал мне рассказывать разные сказания или просто вел беседу о чем-нибудь до тех пор, пока я не засыпал под звуки их рассказа. Я тогда еще не знал об обычае усыплять таким образом уважаемых гостей, и, должно быть, мои «усыпители» внутренне бывали не довольны мною, когда я в адских муках насильственного бодрствования заставлял своего рассказчика долго сидеть возле себя» [3].

Кунацкая в жизни кавказских народов выполняла не только функцию пространства почитания гостя. В то время, когда приезжие гости отсутствовали, кунацкая использовалась как общественное место, где собирались соседи для совместного времяпрепровождения и для решения насущных проблем жизни аула. Не будучи помещением частного порядка, кунацкая выполняла функцию «клубного» учреждения. При отсутствии гостей там собиралась молодежь для дружественных встреч, в ненастную погоду сюда же приходили на посиделки старейшины села. «Как только она (кунацкая) свободна, – писал С. Кокиев, – сюда собирается молодежь, здесь происходят все интимные разговоры, невинные забавы, здесь же подчас решаются и серьезные общественные вопросы» [2].

Основная масса ученых, занимающихся вопросами традиционной культуры адыгов, акцентируют свое внимание на том, что хачец в первую очередь выполняет функцию народного университета, места, где происходит межпоколенная трансляция этнического опыта. М. Напсо указывает: «Здесь, в хачеце, молодые люди познакомились с народным этикетом и получали знания из различных областей человеческой жизни. Так, рассказы гостей из далеких стран знакомили их с географией, обычаями и нравами других народов, рассказы и песни джегуако об исторических событиях знакомили их с историей своего народа, а сказания о нартах и героические песни, исполненные в хачец, воспитывали в молодых мужество и патриотизм» [4, с. 101]. Об этом же говорит исследователь нартского эпоса М.А. Гадагатль: «В жизни адыгов хачец имел особо важное значение. Хачец, где вечером собирался и стар и млад, являлся подлинным народным университетом. Здесь старшее поколение с помощью песен, пщынатлей (мифов о нартах, исполняемых нараспев – С.А.) и легенд передавало младшему поколению свой

жизненный опыт и опыт своих предков, традиции и обычаи народа и, таким образом, давало ему умственное, духовное, героическое и нравственное воспитание» [5, с. 131].

Необходимо в этой связи отметить, то, что пространство хачещ изначально выступало в качестве сакрального, где все действия ритуалов были строго заданы по содержанию, форме и временной организации, обязательны для их участников. Вследствие этого добровольность нахождения в кунацкой, например, молодых парней достаточно условна, т.к. адыгский этикет вменяет им прислуживать старшим везде и всегда, в том числе и в кунацкой. Несмотря на развитие цивилизации и отмирания многих языческих традиций и обрядов, пространство хачещ долгое время остается выделенным из общего бытового семейного пространства. Однако с течением исторического времени пение, танцы и игры постепенно теряют свой сакральный смысл и переходят в разряд искусства и развлечения, предназначенных для удовлетворения эстетических и рекреационных потребностей людей.

Можно с большой долей уверенности предположить, что добровольность обучения народному этикету, получения разнообразнейших знаний в области истории, географии и других практических знаний адыгской молодежи нового времени во многом основывалось на их желании получить эстетическое наслаждение посредством искусства, а также удовольствие от участия в развлечениях (танцах, конкурсах). Так, особую любовь кавказских народов к музыкальному искусству отмечает в своих воспоминаниях военный офицер Ф. Торнау «У черкесов часто встречаются странствующие барды... Они, усевшись в кунацкой, где рассказывали о героических подвигах народа, посреди круга слушателей начинали свой рифмованный рассказ, довольно медленно, мерно ударяя черенком ножа в какую-нибудь звонкую вещь, потом такт ускорялся, затем переходили в громкую песнь... Черкесы впечатлительны и подобно бедуинам легко воспламеняются песнею» [6].

Неподдельная любовь адыгов к искусству и, особенно, к музыке ставит фигуру адыгского музыканта на особое место в структуре социума адыгов. В период средневековья, когда окончательно сформировались особенности менталитета этноса, в культуре адыгов сложился уникальный институт джегуако - народных профессионалов в области музыкально-сценического обслуживания семейных и аграрных праздников. Н. Дубровин писал о джегуако следующее: «Черкесы любят поэзию и песни. У них были поэты – слагатели народных песен... Такие поэты были высоко чтимы князьями и дворянством, они ходили в бой и были впереди войск. Князья любили иметь при себе певцов и гордились ими. Уменье сочинить песню глубоко уважалось... Каждое утро певцы оставляли свое общее временное жилище (хачещ – С.А) и расходились в разные стороны леса, где в уединении слагали свои песни в честь героев. Вечером собирались вместе, и каждый представлял собранию все, что дало вдохновение дня» [6]. Можно заметить, что это действие напрямую использует форму концерта, основанного на желании участников представить свой номер в наилучшем свете, стремлении превзойти в мастерстве сочинения и исполнения всех. Соревнования джегуако в том, чья песня лучше, один из примеров состязательности в сфере досуговых развлечений в хачеце. Оно не редко воплощалось в виде разнообразных игрищ, особенно при участии молодежи.

Все устройство хачещ было направлено на получение разнообразных эстетических впечатлений. Исследователи упоминают о художественном оформлении помещений с помощью ковров, узорно плетеных циновок, расписных покрывал. Также многие этнографы указывают на то, что в хачеце всегда находились музыкальные инструменты. На стене были развешаны пхачич (трещетки), шычепшин (аналог скрипки), камыль (продольная флейта без клапанной механики), угловая арфа.

Для коллективных развлечений в хачещ были популярны состязания в острологии среди молодежи. Как правило, противостояли друг другу юноша и девушка, а формой острот преимущественно были музыкально-поэтические высказывания наподобие

частушек. В текстах часто использовались приемы метафоры и иносказания, что особенно ценилось слушателями и болельщиками.

Игры, связанные с искусством, не обязательно носили соревновательный характер. Например, известны случаи, когда в хачец собиралось несколько человек, умеющих играть на музыкальных инструментах, которые развлекались следующим образом: знакомую мелодию они разбивали на фрагменты и исполняли их в виде эстафеты, добиваясь слитности наигрыша [7, с. 232]. Очевидно, что все ошибки и сбои воспринимались всеобщим весельем.

Рассмотрев исторические аспекты функционирования такого этносоциального института, как кунацкая, необходимо остановиться и на общекультурологических основаниях длительного сохранения подобной институции в культуре адыгов. По нашему мнению во многом устойчивость хачец в доинформационном обществе базировалась на диалектике сочетания оппозиционных сущностей: сакральное – обыденное, свое – чужое, коллективное – индивидуальное, известное – неизвестное [8, с. 27-29].

Базовое противоречие «сакральное – обыденное» реализуется в многообразии использования помещения хачец. В рамках ритуализации в кунацкой принимают гостя, проводят ритуал «чапш» (обрядовые песни и игры у постели тяжело больного или раненого), застолья по поводу свадьбы или похорон и т.п. Обыденность в хачец проявлялась в том, что ее помещение использовалось в хозяйственной практике как место для коммерческих переговоров, собраний общины для решения социально-бытовых проблем аула (строительства дороги, моста, правил покоса и пр.).

Оппозиция «свое – чужое» можно проиллюстрировать тем, что человек, попавший в хачец, как правило, сталкивался с жизненным миром другого качества: человеком другой культуры (гость из дальних краев), человеком другого поколения (старика, молодого), человека другого социального статуса (знатного или простолюдина). В ситуации сопряжения разных картин мира происходит оценка/переоценка собственного жизненного мира, увеличивается способность субъекта к оптимальной адаптации в разнообразных ситуациях, которые могут возникнуть в процессе его жизни.

Не менее важна реализация развивающего потенциала противоречия «коллективное – индивидуальное». Традиционное аграрное общество утверждает примат коллективного над индивидуальным в обыденной жизни. Четкое однозначное выполнение социальных ролей обуславливается всем ходом социализации от рождения индивида до смерти. И только в хачец возможны временные отступления от жесткой иерархии статусов. Потребность в социальном престиже личности может реализоваться в присуждении ей статуса лучшего танцора, шутника, музыканта. Необходимо акцентировать главную роль искусства в данном процессе.

Оппозиция «известное – неизвестное (новое)» на наш взгляд являлось одним из основных аспектов стабильности функционирования хачеца. Законом аграрного общества в обыденной жизни является повторяемость событий без каких-либо изменений долгие годы (регулярность смены природных циклов, способ хозяйства, семейные устои и пр.). Хачец – место, где человек имеет возможность получать новые впечатления: встреча с новыми людьми, слушание новых песен, сказок, мифов, историй, участие в играх с заранее неизвестным результатом – все это давало человеку новую психическую энергию для дальнейшей рутинной жизни.